

Поклонившись родителям Вэнь Ецаю, Юй Шанчжи почувствовал, как сердце его постепенно обрело покой. Пусть перед ним были лишь два могильных холма, но внутри возникло чувство, будто он действительно дал обещание и обрёл одобрение старших.

Маленький гер, что сейчас был рядом, за девятнадцать лет жизни претерпел немало горестей и тяжестей. А теперь, когда эта эстафетная палочка перешла в его, Юй Шанчжи, руки — он непременно понесёт её с честью: будет хорошо относиться к Вэнь Ецаю и беречь Эрню и Санья.

Первостепенной задачей стало как можно скорее начать приём больных в деревне — даже если доходы будут скромными, это всё равно позволит Вэнь Ецаю немного облегчить бремя. Что до сбора лекарственных трав и изготовления заоцзяо — всё это Юй Шанчжи уже упорядочил в голове, шаг за шагом выстраивая планы. Только вот с его глазами... Эти дела всё же стоило отложить до выздоровления, иначе эффективность будет слишком низкой.

В тот день стояла ясная, тёплая погода. С самого утра Вэнь Ецай, управившись с делами, вытащил во двор несколько старых глиняных горшков — собирался сажать имбирь. Как раз период перед Цинмином — лучшее время для посадки. Первый этап заключался в том, чтобы закопать имбирные корешки в рыхлую почву внутри горшков и оставить в тени до прорастания. Лишь потом их пересаживают на грядки.

Юй Шанчжи раньше об этом ничего не знал, а уж его предшественник — тот вообще жил праздно и лениво, и в памяти у него по таким делам была пустота. Но теперь, когда жизнь стала настоящей семейной, разве можно и дальше жить, не отличая пшеницу от проса?

Поэтому, когда Вэнь Ецай занимался делами, Юй Шанчжи просто оставался рядом и внимательно расспрашивал, учась у него всему.

В деревне Вэнь Ецай считался молодым, все эти навыки перенимал у старших, обычно сам просил совета, а вот учить кого-то — кроме родных брата и сестры — ему еще не доводилось. Но теперь, когда его расспрашивал молодой врач, Вэнь Ецаю это, неожиданно, было очень по душе.

- Обычно к началу лета, — говорил он, — здесь имбирь уже начинает прорастать. Тогда можно будет вспахать грядку в заднем дворе и пересадить туда. Я обычно сажаю одну грядку — нам на еду хватает.

Имбирь, в сущности, был всего лишь приправой: чуть-чуть добавляют в еду, и всё. Расход невелик, но и без него никак нельзя — особенно в доме Вэнь, где часто едят дичь: с ней обязательно нужно варить имбирь, чтобы убрать запах.

С этими словами он закопал один корешок в землю, и тут рядом послышался голос Юй Шанчжи:

— Не знаю, много ли места на заднем дворе, но если земли хватает, давай посадим побольше. Имбирь ведь и лекарство — во многих рецептах используется.

Свежий имбирь, с пряным вкусом и тёплой природой, издавна применялся для изгнания холода, прогревания желудка, остановки тошноты и кашля. Кроме того он помогает при отравлениях — как от еды, так и от лекарств.

Вэнь Ецай оживился:

— Тогда точно сажаем побольше! У нас во дворе места навалом, давай всё перекопаем. А кроме имбиря в этом году ещё больше овощей посадим.

В доме прибавился ещё один человек, да и Эрню с Саньей уже на глазах подрастали — стоило приложить побольше усилий к огороду, а уж когда придёт время сбора, выгода будет налицо.

Но Юй Шанчжи смотрел ещё дальше:

— Пока не засаживай весь участок овощами, оставь немного земли для лекарственных трав. Некоторые редкие растения в горах почти не встречаются, но если достать семена, вполне возможно, мне удастся их вырастить.

В детстве он почти всё время проводил либо в кабинете за книгами, либо на лекарственном участке — знал все нюансы выращивания и разведения разных трав, умел бороться с вредителями и болезнями растений.

Сейчас он сказал «возможно», потому что пока ещё не изучил как следует климат и почвы в деревне Селю — потому и оставил себе пространство для манёвра.

Вэнь Ецай тут же вспомнил, как Юй Шанчжи упоминал, что у старого доктора Циня из деревни Баньпо был целый му под лекарственные растения. Интересно, предъявляют ли такие посадки высокие требования к плодородию? Если нет, может, получится сначала выкупить один участок и попробовать.

Он поделился мыслями с Юй Шанчжи, и тот ответил:

— К плодородию особых требований нет, но и слишком истощённой земля быть не должна.

— Ну и хорошо, — обрадовался Вэнь Ецай. — Надо будет переговорить с деревенским старостой. Если найдётся подходящий участок, пусть приглядит нам один.

Раз уж решили сажать больше, то и заготовки корневищ имбиря требовалось сделать основательнее. Юй Шанчжи закатал рукава и присоединился к работе. Вэнь Ецай побоялся,

что битая черепица порежет ему руки, поэтому нарочно отобрал два-три целых горшка. В итоге в ход пошли почти все глиняные кувшины, что были в доме — очень скоро они выстроились перед ними длинной цепочкой.

Даван и Эрван из любопытства то подходили понюхать, то отпрыгивали обратно — похоже, запах свежего имбиря им сильно не нравился.

Когда Ян Хунэр заглянул во двор, ему открылась именно такая картина. Вэнь Ецай, вытирая рукавом пот со лба, как раз поднял голову и встретился с ним взглядом.

— А, Циншуй-сао, вы пришли? Заходите, я только руки сполосну!

Ян Хунэр вежливо улыбнулся, переступил порог, но дальше во двор не пошел.

— А Юй-ланчжун тоже тут.

Услышав голос, Юй Шанчжи сразу узнал Ян Хунэра и, повернувшись в сторону звука, поприветствовал его. Поздоровавшись, Ян Хунэр обратился к вышедшему с тазом воды Вэнь Ецаю:

— Я не сяду, просто мимо шёл, вспомнил, что хотел с вами поговорить.

С этими словами он повернулся к Юй Шанчжи:

— Ланчжун, вы в прошлый раз вроде упомянули, что от моей головной боли может помочь прогревание полынными прижиганиями, но для этого нужно использовать вылежанную полынь, не свежую. Так вот, дело в том, что у нас дома недавно в старом дровяном сарае при уборке обнаружили целую вязанку сушёной полыни. Сухая до того, что при касании рассыпается — не знаю, сколько лет пролежала, кажется, когда-то заготавливали для отпугивания мух, да потом всё заставили, и про неё забыли. Не знаю, пригодится ли вам такая, но если подойдёт, я вам её принесу. А как скрутите айцзяо, я у вас куплю — по честной цене.

Ян Хунэр понимал: даже если и «по цене», то у Юй Шанчжи всё равно выйдет дешевле, чем в уездной лавке, потому и пришёл лично.

Вэнь Ецай бросил взгляд на Юй Шанчжи, и тот ответил:

— Если ей не больше пяти лет, то можно использовать.

Ян Хунэр улыбнулся:

— Думаю, до пяти не дотягивает. Года два-три точно есть.

Теперь, когда есть вылежанная полынь, можно будет заняться изготовлением палочек-айцзяо, и в самом доме они тоже пригодятся.

Вэнь Ецай тут же сказал:

— Спасибо, Циншуй-сао. Как сделаю, я вам обязательно несколько принесу. А если вы сейчас не торопитесь, я с вами схожу и заберу. Мне как раз надо к деревенскому старосте по делу.

Узнав, что Вэнь Ецай хочет купить участок земли, Ян Хунэр невольно похвалил:

— Смотри-ка, какие вы с мужем молодцы — живёте-то как на зависть. И повозку уже купили, теперь вот землю собираетесь брать.

Для деревенских людей это действительно считалось делом важным: если в доме кто-то владеет ремеслом — это уже гораздо лучше, чем только на землю полагаться. Юй Шанчжи разбирается в медицине, а Вэнь Ецай умеет охотиться. Ян Хунэр прикинул, что, пожалуй, через несколько лет семья Вэнь вполне может войти в число зажиточных в деревне.

После пары слов о том о сём, Вэнь Ецай отправился в сарай, достал оттуда корзину и закинул себе на спину, но Ян Хунэр сказал, что одной может и не хватить.

Юй Шанчжи услышал это и, встав, сказал:

— Брат Ян, А-Е, я с вами пойду.

Не годится же сидеть без дела дома, когда другие помогают.

Ян Хунэр, заметив, как Юй Шанчжи поднимает корзину и закидывает себе на плечи, невольно скосил взгляд на Вэнь Ецай и вполголоса спросил:

— У ланчжуна с глазами как, лучше стало?

Вэнь Ецай понимал, что Ян Хунэр спрашивает не из праздного любопытства. Он ведь сам тогда пообещал всем, что Юй Шанчжи начнёт принимать больных только после того, как зрение восстановится, — немало людей в деревне этого ждали.

Юй Шанчжи как раз подошёл ближе, услышав вопрос, приподнял губы в лёгкой улыбке и ответил:

— Пока зрение не восстановилось до конца, но с бамбуковой палкой могу спокойно передвигаться, да и по хозяйству помогаю А-Е понемногу.

Вэнь Ецай, услышав, что Юй Шанчжи даже в таком простом ответе не забывает упомянуть его, да ещё и при Ян Хунэре, слегка смущённо отвёл взгляд. Однако, несмотря на смущение, движения его были отточенными: он привычно поддержал Юй Шанчжи под руку, словно делал это не впервые.

Ян Хунэр, как гер, уже успевший повидать многое в жизни, как мог не распознать эту тихую, укромную близость между супругами? С трудом сдержав усмешку, он проговорил:

— Вот и хорошо. Как глаза поправятся — всё будет нипочём. Ты ведь врач, а Цай-гер охотник. Да вы через пару лет не только новый дом поставите, но и кирпичный дом с черепичной крышей выстроите.

Раз уж разговор зашёл так далеко, Юй Шанчжи решил и сам внести свою долю:

— Мы с А-Е посоветовались. Раз уж я всё равно пока сижу без дела, решили больше не ждать — в ближайшие дни приберём одну комнату под приём. Если односельчане не побоятся, что у меня глаза ещё не до конца выздоровели — пусть приходят, я любое недомогание посмотрю. Только одно но — лекарств в доме пока мало, так что, если придётся что-то выписывать, за травами придётся ехать в уезд.

Услышав это, Ян Хунэр с радостью отозвался:

— Вот это хорошее дело, теперь в нашей деревне и вправду будет счастье. Раньше-то лечиться приходилось в соседнюю деревню к тому лекарю по фамилии У, либо в уезд тащиться. Сейчас как вернусь, сразу отцу скажу, пусть тоже по деревне разнесёт, что у нас теперь свой врач.

Стоило вновь услышать имя лекаря У, как лица Юй Шанчжи и Вэнь Ецай заметно изменились, но они промолчали. С Ян Хунэром у них всё же была не та степень близости, чтобы можно было высказывать подобное — иначе это могло бы прозвучать как завистливые слова коллеги.

Перед тем как выйти из дома, Вэнь Ецай велел Эрню и Санья остаться, а заодно оставил Давана и Эрвана стеречь двор. Ведь они не собирались уходить далеко — всё в пределах деревни, не стоило ради этого брать с собой собак. Тем более, что охотничьи псы грозные, а если они увяжутся следом, Ян Хунэр может испугаться, да и прочие члены семьи деревенского старосты тоже.

По дороге, когда деревенские жители замечали, как Юй Шанчжи с Вэнь Ецаем идут следом за Ян Хунэром, в их взгляде невольно появлялось больше интереса и оценки. Что и говорить, повезло всё-таки семье Вэнь — так удачно оказались соседями семьи Сюй Пэна, а теперь, глядишь, и в доме деревенского старосты у них слово веское будет, да и с Ян Хунэром сблизилась. Значит, и впрямь скоро станут теми, с кем шутки плохи — не всякий теперь

решится перейти им дорогу.

Вскоре они подошли к дому Сюй Байфу. Его семья была многочисленной: четыре поколения под одной крышей, к тому же зажиточной. Хотя формального раздела семейства не произошло, но из-за тесноты старого дома каждому ответвлению семьи были выделены отдельные внутренние дворы. Дворы сообщались между собой, и для деревенского уклада это уже считалось очень внушительным устройством.

— Вон там впереди, — сказал Ян Хунэр. — Вы тут подождите немного, я схожу за дедушкой, потом зайду во двор за полынью. Изначально хотел её вытряхнуть, да как начал — листья только и летят, потому просто перевязал по-новой, остального не трогал.

Он оставил Юй Шанчжи с Вэнь Ецаем у входа и пошёл звать родных. Мужчины семьи в это время ещё были в поле, до обеда никто из них не мог освободиться. Но дед, как человек в возрасте, давно на полевых работах не бывал. Сыновья его уважали, беречь старались, да и обязанности деревенского старосты не позволяли ему сидеть сложа руки — каждый день полно хлопот, стоит только глаза открыть.

Спустя немного времени Сюй Байфу вышел во двор, заложив руки за спину. Вэнь Ецай потянул Юй Шанчжи за рукав, напомнив, и оба синхронно вежливо поприветствовали:

— Здравствуйте, деревенский староста!

Сюй Байфу кивнул и жестом пригласил их следовать за ним в дом.

— Я слышал от Хунэра, что Юй-ланчжун собирается начать приём в деревне?

Юй Шанчжи вкратце изложил свои соображения — в конце концов, все они тут живут бок о бок, часто встречаются, потому он не стал говорить красивых слов. Деревенские доктора, как правило, не питают великих надежд спасти мир — ровно как плотники или мясники, у них просто есть умение, которое позволяет кормить семью.

Староста Сюй Байфу был человеком деловым, и, услышав, что Юй Шанчжи и впрямь намерен всерьёз остаться в деревне и работать доктором, не смог скрыть радости.

— Хорошо! Это хорошее дело. Раз ты станешь деревенским врачом, вся деревня должна быть тебе благодарна.

Юй Шанчжи поспешно ответил:

— Да что вы, уважаемый деревенский староста, о какой благодарности речь. Просто хочу заработать себе на кусок хлеба.

Видя, что перед ним стоит вежливый молодой человек, знающий меру и умеющий держаться, Сюй Байфу почувствовал, что в последние годы у деревни Селю и вправду пошла счастливая полоса. И не важно, приезжие ли это геры и девушки, вышедшие замуж сюда, или, как Юй Шанчжи, вошедшие в семью чжусюи — все они люди добропорядочные.

Он с одобрением сказал:

— Вы с Цай-гером ещё молоды, только бы стремились вперёд — и жизнь у вас непременно будет становиться всё лучше. Только вот твои глаза ещё не оправились, смотри, береги себя, не перенапрягайся. Если вдруг случится что трудное — не стесняйся, приходи ко мне.

Услышав это, Вэнь Ецай тут же подхватил, не упустив удобного случая:

— Староста, как раз правда есть одно дело, хотим вас побеспокоить. Мы бы хотели потом прикупить ещё земли, просим вас, помогите присмотреть.

У семьи Вэнь было всего три му земли — в деревне об этом знали все. Когда-то они были в числе зажиточных дворов, но кто ж знал, что беда обрушится одна за другой, и почти всё хозяйство пришлось распродать. Проданными тогда оказались десятки му плодородной пашни, а теперь они значились уже за несколькими семьями деревни, и год за годом приносили щедрый урожай.

Но Сюй Байфу, глядя на гера из рода Вэнь и его молодого мужа-чжусюя, думал, что, возможно, этим двоим ещё суждено пережить беду и дожить до благополучия.

Он быстро согласился:

— Верно, вам бы и вправду стоит прикупить ещё земли, а то и зерна будет не хватать на свою семью. Да вот беда — хорошей земли почти не осталось, а что есть, то все приберегают для себя, редко кто на продажу решается.

Вэнь Ецай тут же добавил:

— И не самая хорошая земля тоже подойдёт, всё лучше, чем совсем без неё. Мы ещё хотим выделить один му под лекарственные травы — Шанчжи собирается заняться их выращиванием.

Сюй Байфу не слишком разбирался в земледелии, тем более в выращивании лекарственных трав, но раз требования к земле были невысоки, то, может, и впрямь получится что-то найти.

— Раз так, если в деревне кто-то надумает продать участок, я первым делом скажу вам.

Когда разговор с деревенским старостой о покупке земли был улажен, старые запасы полыни

из дома семьи Сюй уже были вынесены во двор.

Ян Хунэр не справлялся с таким объёмом в одиночку, и его свекровь, Сюй Хань-ши, услышав, что эту полынь можно отдать Юй-ланчжуну в обмен на готовые полынные палочки для прижигания, тоже пришла помочь.

Старший сын из дома Сюй Циншуя был ещё совсем малыш — в этом году ему не исполнилось и двух лет. Он шёл неровной походкой, покачиваясь из стороны в сторону, и в руке держал полынную палочку, бормоча что-то невнятное.

Вэнь Ецай нашел ребёнка забавным и невольно задержал на нём взгляд. Ян Хунэр подхватил малыша на руки, а Юй Шанчжи в это время наклонился, чтобы осмотреть полынь. Он взял немного, растёр пальцами и поднёс к лицу, чтобы понюхать.

— Это, должно быть, трёхлетняя выдержанная полынь, — сказал он. — Самое то для приготовления прижиганий.

Сюй Хань-ши, стоявшая рядом, с изумлением спросила:

— И правда можно так просто определить, сколько лет она пролежала?

Юй Шанчжи стряхнул с рук крошки и пыль от листьев, поднялся при поддержке Вэнь Ецай и сдержанно ответил:

— Да просто немного больше повидал, вот и научился со временем распознавать.

Они сложили полынь в корзину и унесли с собой, договорившись на прощание, что когда из неё будут готовы палочки для прижиганий, то обязательно принесут немного в подарок. На обратном пути, когда деревенские увидели, что они несут сухую траву, кто-то небрежно поинтересовался, что за сено они приносят.

Раньше Вэнь Ецай уже пыталась узнать в деревне, у кого может завалиться старая полынь, но всё было безрезультатно. Все только и говорили — мол, у кого в доме трава уже несколько лет пылится и никто её не выбросил, тот, верно, и упавшую бутылку масла поднимать не станет — уж такой лентяй, что дальше некуда.

Но раз уж сегодня они вышли от самого деревенского старосты, и немало людей на них обратили внимание, Вэнь Ецай решил не упускать момент и заявил вслух: у кого найдётся трёхлетняя полынь, он возьмёт её по две медные монеты за вязанку.

Кто бы мог подумать, что старая, залежавшаяся трава вдруг начнёт стоять как целое куриное яйцо? Весть разнеслась по деревне, и люди сразу принялись рыться у себя в кладовках. И не зря — действительно нашлось несколько дворов, где в углу валялась нужная полынь. Позже, к

вечеру, один за другим начали приходить к дому Вэнь, принося с собой пучки старой полыни.

Один из принесённых пучков оказался полынью, пролежавшей всего около года — Юй Шанчжи сразу это распознал и, махнув рукой, вежливо отказался. Остальные три семьи принесли по подходящей вязанке, и их он охотно принял — всего за них отдали шесть медяков.

Казалось, на этом всё, и Вэнь Ецай уже собирался закрыть калитку, как вдруг краем глаза заметил вдалеке девчущку, тащившую к ним большую вязанку полыни. Он прищурился и узнал в ней дочку того самого паралитика Кона.

Паралитик Кон — настоящее имя Кон И — был ещё не стар и, кроме того, считался человеком учёным. Хотя ему так и не удалось сдать экзамен на ступень туншэна, он хорошо разобрался в грамоте, потому устроился в лавку в уезде на должность счетовода. Жили они раньше не бедно, но потом случилась беда — после тяжёлой травмы Кон И оказался прикован к постели. Его супруг тогда, взяв младшего сына, ушёл в другой дом, оставив за собой лишь дочку и немощного мужа.

И всё же в этом уходе не было черствости — иного выхода у него попросту не было. В то время Кон И был почти при смерти, говорят, только благодаря купленному женьшеню ему удалось сохранить жизнь. Семья тогда не только все сбережения извела, но и влезла в долги — свыше десяти лян серебра, которые потом с трудом покрыли, продав землю. Если бы супруг остался, младший сын, скорее всего, погиб бы от голода. А уйдя, он избавил дом хотя бы от двух лишних ртов — и, может быть, именно это позволило им с дочкой дожить до сегодняшнего дня.

А вот кому досталась настоящая горькая доля — так это Кон Ма, его дочери.

— Брат Вэнь, — позвала она, — слышала, вы у себя сухую полынь собираете. Скажите, эта вязанка подойдёт?

Он опустил взгляд и увидел перед собой худенькую девчонку в одежде, заплатка поверх заплатки — рукава короткие, штанины и вовсе задрались на целую ладонь. Если прикинуть, была она всего на два года младше Вэнь-эрню, и впрямь похожа на соломинку — тонкая и хрупкая. Вэнь Ецай вздохнул про себя.

Он позвал Юй Шанчжи, чтобы тот проверил полынь. Тот осмотрел её, понюхал и подтвердил, что выдержка подходит. Тогда Вэнь Ецай пошёл в дом за деньгами. Когда он вернулся, в руках у него была не только пара медяков, но и комплект старой одежды Вэнь-эрню — хоть и выстиранной до белизны, но целой и чистой.

Кон Ма сразу поняла, к чему дело, и молча приняла лишь два медяка.

— Отец велел мне ничего чужого не брать. Спасибо, брат Вэнь, я пойду!

Сказала — и тут же пустилась наутёк. Вэнь Ецай окликнул её пару раз, но девчонка не остановилась, и он, махнув рукой, повернулся обратно.

Юй Шанчжи тем временем наклонился, протянул руку и, нащупав лежащую на земле полынь, попытался её поднять. На деле эта вязанка весила меньше, чем предыдущие, но Вэнь Ецай, как и обещал, отдал за неё два медяка.

Он занёс полынь, принесённую Кон Ма, в дом и бросил её рядом с остальными — по полу тут же поднялось облачко пыли. Вэнь Ецай взял Юй Шанчжи за руку, и оба одновременно отступили назад, чтобы не надышаться.

— Сказать по правде, почти два года прошло с тех пор, как его парализовало. В ту зиму родился младший сын, и он, думая, как бы побольше подзаработать и что-то отложить сыну, после работы в лавке зимой пошёл ещё и на пристань — помогать грузить мешки. Кто ж знал, что случится снегопад... Говорят, тот, кто толкал тачку, поскользнулся и выпустил из рук управление — на Кон И сверху упал мешок с зерном, выше человека ростом, и придавил его. С тех пор от груди и ниже он парализован. Сейчас они живут только на те пару лян серебра, что остались от прежнего супруга Кон И, когда тот уходил, и на то, что Кон Ма изредка приносит с гор — продаёт на рынке, чтобы как-то свести концы с концами.

Вэнь Ецай хоть и не был вхож в деревенскую жизнь и не часто общался с соседями, но тогдашний случай с Кон И гремел на весь округ, и он знал о нём всё, даже если бы и не хотел. Тем более, что и сам он в детстве немало хлебнул, тоже с юных лет ломал голову, как помочь семье выжить — потому и следил за Кон Ма особенно внимательно.

— А сколько ей тогда было? — задумчиво продолжил он. — Говорят, в тот день, когда её маленький отец с братишкой ушли в другой дом, она бежала за ними много ли по дороге...

Юй Шанчжи, выслушав, тяжело вздохнул и покачал головой.

Паралич ниже груди, должно быть, случился из-за того, что в тот раз тяжёлый груз повредил спинной мозг. А с тех пор уже три-четыре года прошло — думается, полностью оправиться вряд ли возможно. Хотя что там на самом деле — пока неясно. Если же у него хоть немного сохранилась подвижность в руках и пальцах, может, и удастся чем-то помочь.

С этой мыслью Юй Шанчжи спросил у Вэнь Ецай, не знает ли тот точного состояния Кон И, но тот только покачал головой:

— С тех пор как он слёг, ни разу за ворота не выходил. По правде сказать, в деревне и судачат: мол, жить вот так — сплошное мучение.

Юй Шанчжи, выслушав рассказ, тоже почувствовал внутреннюю тяжесть и жалость. К тому же, как оказалось, Вэнь Ецай и сам не раз по-своему поддерживал семью Кон. Поскольку Кон И не выносил жалостливой благотворительности, Вэнь Ецай всякий раз просто подкидывал им

что-то и уходил.

— Я ведь, в основном, приносил охотничью добычу или там яйца диких птиц, — сказал он. — Наверное, Кон Ма уже давно догадалась, что это я. Потому как спустя пару дней на нашем пороге обязательно появлялись куриный корм, вязанки хвороста, а иной раз и грибы.

Понимая, что Вэнь Ецай явно неравнодушен к судьбе Кон Ма и её отца, Юй Шанчжи кивнул:

— Когда будет время, схожу к нему, погляжу, чем смогу помочь.

Кон Ма ведь ещё совсем девчонка — если однажды её родной отец тоже уйдёт в мир иной, ей и вовсе некому будет дать защиту.

Так как собранную полынь уже не нужно было дополнительно сушить, Юй Шанчжи предложил не откладывать и сразу заняться её обработкой — быстрее сделать из неё палочки для прижигания и удобно потом хранить. Вся семья взялась за дело: вручную общипали листья и сложили их в мешки из пеньки, а руки у всех до локтей оказались в пыли и мелкой крошке. Вэнь Ецай принёс воды, и каждый основательно отмылся с мыльным деревом, хорошенько натерев ладони.

— У дяди Чжуанцзы есть один старый жернов, — сказал Вэнь Ецай, — он давно его уже не использует. В деревне, если кому надо что-то перемолоть, идут к нему, одолжат — и на прощание купят кусок тофу, так заведено. Я вот как-то проходил мимо, встретил его жену и вскользь упомянул.

Раз дело было такое простое, а после полудня других забот не предвиделось, да и утренний наплыв к мастерской тофу уже наверняка схлынул, супруги вместе взяли вязанки полыни и отправились просить жернов.

Сначала остановились у ворот двора, и Вэнь Ецай позвал хозяев. Жена дяди Чжуанцзы вышла быстро, с той же дежурной улыбкой, что и всегда.

Но стоило Вэнь Ецаю объяснить, зачем они пришли, как он заметил, что её лицо при виде Юй Шанчжи на миг застыло — улыбка будто сбилась, взгляд задержался, но в следующую секунду всё вернулось к своему первоначальному состоянию.

— Жернов в заднем дворе, Цай-гер, ты же знаешь, иди, пользуйтесь на здоровье, — сказала жена дяди Чжуанцзы с привычной улыбкой.

Юй Шанчжи слушал, как Вэнь Ецай перекидывается с ней парой слов, не придавая тому особого значения. Он и впрямь почти ни с кем в деревне близко не общался, а из всего, что помнил о доме дяди Чжуанцзы, было лишь два момента: в тот раз, когда Ху Цзинь затеяла скандал, его жена встала на его защиту — и ещё то, что их семья торговала тофу, причём

делали они его и правда хорошо.

На задний двор они прошли без лишних слов, быстро расправились с полынью — высыпали её в жернов и начали молоть. Жернов был не велик, и весь труд лёг на плечи Вэнь Ецай, который сам вращал круг. Но дело пошло, и скорость была вполне сносной.

Когда перемололи первую часть, Вэнь Ецай взял щепотку и положил Юй Шанчжи на ладонь, чтобы тот проверил — достаточно ли мелко. Убедившись, что всё как надо, Юй Шанчжи поднял мешок, и они аккуратно смахнули в него получившуюся мятую труху.

Две большие корзины, доверху наполненные полынью, они мололи с полудня до самого вечера. Вэнь Ецай, несмотря на мартовскую прохладу, так вспотел, будто был разгар лета, и в обоих вьелся крепкий, стойкий запах полыни.

Когда работа была закончена, Вэнь Ецай зачерпнул воды из бочки в заднем дворе и тщательно промыл жернов. В деревне кто только не приходил к ним молоть — кто зерно, кто кукурузу, кто травы. Если после себя не вычистить как следует, следующий посетитель такого наговорит, что уши завянут.

Юй Шанчжи тем временем стоял рядом, прикидывая на руке вес полученной трухи. По опыту из прошлой жизни он знал: из одного цзиня (примерно полкило) хорошей измельчённой, подготовленной полыни можно свернуть около двадцати палочек для прижигания.

Выход этой самой полыни всегда был невелик. Раньше в аптеке семьи Юй использовали только наилучшее — золотистое волокно высшего и немного уступающего сорта. Чтобы получить один цзинь такого материала, требовалось либо пятьдесят, либо тридцать цзиней сырой полыни — соотношение пятьдесят к одному или тридцать к одному соответственно.

Теперь же вся принесённая полынью, включая ту, что дала Ян Хунэр, после очистки и отбраковки дала примерно тридцать цзиней сырья. Если бы он и сейчас гнался за прежним качеством, то из целой корзины полыни в лучшем случае получалось бы два десятка палочек — слишком расточительно, слишком дорого.

Поэтому Юй Шанчжи выбрал более разумную пропорцию — пять к одному. Такой уровень соответствовал среднестатистическому качеству, которое чаще всего и встречалось на рынке. Судя по этому расчёту, полный мешок полученной полыни должен был дать около ста двадцати палочек — более чем достаточно, чтобы хватило на долгий срок.

Неудивительно, что в медицинской лавке такие палочки продавали по десять медяков за штуку. Потому что хотя сама полынью — растение доступное, всё дело в том, насколько трудоёмким и кропотливым оказывается процесс её выдержки, хранения и последующего изготовления.

Они вдвоём аккуратно связали мешок с измельчённой полынью бечёвкой и осторожно

опустили обратно в корзину.

Вэнь Ецай уже слышал, как Юй Шанчжи прикинул цену: если такие палочки продавать в аптеке, то выручили бы больше лян серебра. Так что не стоило относиться к этому делу легкомысленно.

Когда уходили из дома дяди Чжуанцзы, поступили, как и положено по деревенскому обычаю — не с пустыми руками. Купили кусок тофу. На семью из четырёх человек его вполне хватило бы на тушёное блюдо — пять медяков и будет вдоволь.

Вэнь Ецай отсчитал пять монет, но, протягивая их хозяйке дома, заметил, что та всё ещё пристально смотрит на Юй Шанчжи. Если бы на её месте была молодая девушка или гер, Вэнь Ецай, пожалуй, и заподозрил бы, что кто-то положил глаз на его доктора. Но жена дяди Чжуанцзы ведь уже двоих детей от него родила — ну не может же быть, чтобы тут было что-то эдакое.

— Тётушка? — позвал он, громко звеня монетами в руке.

Жена дяди Чжуанцзы вздрогнула и опомнилась. Осознав, как себя выдала, она явно смутилась до крайности — движения, с которыми она принимала деньги и нарезала тофу, стали торопливыми и неловкими. Вэнь Ецай, хоть и успокоил её словами: «Ничего страшного», — обернувшись, уже не скрывал перемены в лице — выражение стало холодным и настороженным.

Когда они с Юй Шанчжи ушли, хозяйка дома всё ещё стояла на месте, растерянная, рассеянно теребя руками подол юбки. Спустя некоторое время из внутренней комнаты вышел сам дядя Чжуанцзы, увидел, как она замерла в задумчивости, и с первого взгляда всё понял.

— Цай-гер с мужем ушли?

— Ушли, — отозвалась она.

После чего тяжело вздохнула и с досадой покачала головой.

— Всё думаю, будто Юй-ланчжун не такой человек, чтобы сделать... ну, сам понимаешь. Но ведь и сестра Син обманывать меня просто так не стала бы...

Сестра Син — это её младшая сестра, о которой она как-то рассказывала: та вышла замуж в деревню Баньпо уезда Утун.

Как раз за пару дней до Цинмина, когда они с мужем проезжали мимо деревни Селю, сестра, пользуясь редкой возможностью, привела его к родным в гости. Муж у неё человек ласковый, к жене внимательный, вот и согласился донести кое-что из съестного и зайти навестить родню.

Когда они, вернувшись в родной дом, сели поболтать по-домашнему, жена дяди Чжуанцзы заговорила о Юй Шанчжи, а заодно вспомнила, как старик Цинь лечил поясницу свекру сестры Син.

Кто ж знал, что сестра, услышав эти слова, тут же бросит палочками, откажется от еды и резко поднимется из-за стола.

— Сестра, — вскричала она, — что ты сказала? Этот, по фамилии Юй, у вас в деревне?!

Жена дяди Чжуанцзы, не понимая, почему сестра так всполошилась, с удивлением ответила:

— Конечно. Юй-ланчжун теперь живёт у нас, вошёл в семью как муж Цай-гера — помнишь его? Тот самый старший брат, который всё не мог выйти замуж. Теперь вот, говорят, собирается лечить в деревне, будет у нас, значит, свой доктор.

Но лицо сестры Син сразу помрачнело, и она серьёзно, с напряжением в голосе сказала:

— Сестра, да он ведь вовсе не тот, за кого себя выдаёт. Вам в деревне надо быть начеку, особенно — ни в коем случае не ходите к нему лечиться! Когда я только вышла замуж, ещё многого не знала, а теперь уж поняла всё как есть. Этот Юй своими руками довёл до смерти старого лекаря Циня — не то что вылечить, он людей губит! Настоящий шарлатан и неблагодарный белоглазый волк!